

для других - руда, железо, золото, свинец, соль, сера, уксус, вода, воздух, огонь, земля, кровь, облако, роса, тень, дракон, Венера и так далее до бесконечности.

Алхимическое делание, основа алхимии, представляет собой столь безмерный хаос веществ, рецептов и процедур, что совершенно безнадежно пытаться упорядочить его, хотя часть этой работы имеет практический характер и выступает как последовательность экспериментов с химическими веществами. Редко когда мы в состоянии получить даже приблизительное представление о том, как проходило это «делание», какие материалы использовались и какие результаты были достигнуты. Читатель, как только подходит к наименованиям веществ, теряется в непроглядной тьме - они, как уже отмечалось, могли обозначать все что угодно. Алхимическое значение наиболее часто употребляемых веществ, таких, как ртуть, сера и соль, составляет тайну искусства Гермеса Трижды Величайшего.

Более того, алхимики и сами не всегда понимали друг друга. Все они жаловались на неясность текстов и часто обнаруживали неспособность понять даже символы и символические изображения, общепринятые среди адептов. Алхимик прекрасно сознавал, что пишет смутно, признавал, что нарочно скрывает свою цель, но иначе писать не мог. Хотя алхимические трактаты и создавались ради того, чтобы дать описание процесса химического преобразования (трансмутации) и сделать необходимые указания по его выполнению, очень редко бывало так, чтобы два автора придерживались одного мнения о протекании процесса и последовательности его стадий. Единственное, в чем сходилось большинство, заключалось в подразделении процесса Великого Делания на четыре этапа, которые должны были ознаменоваться последовательным появлением черного, белого, желтого и красного цветов.

Густой мрак, которым покрыто алхимическое «делание», объясняется тем, что алхимик хотя и был заинтересован в выполнении собственно химической части лабораторных операций, однако использовал ее для того, чтобы осуществить комплекс психических трансформаций, которые в действительности являлись главной целью работы. Каждый истинный алхимик-адепт, герметический философ, формировал для себя более или менее индивидуальный комплекс идей, состоящий из изречений философов и из разнообразных аналогий, заимствованных из основных концепций алхимии.

Алхимики-адепты, чураясь публичности, стремились к уединению - каждый из них шел к успеху Великого Делания своим путем. Они редко имели учеников, и мало кто из них оставил после себя достойных последователей. Тайные общества были уделом тех, кто возвысился над вульгарными «суфлерами» и презрел их, но еще не нашел верного пути в адепты. Затворник алхимик-адепт трудился в своей лаборатории не ради славы и богатства, а для постижения некой высшей истины. Конфликты между адептами были редки, а их сочинения - относительно свободны от полемики. Манера, в которой они ссылались друг на друга, показывает их принципиальное согласие друг с другом в главном, даже если они порой и не могли до конца понять друг друга. Причиной подобного миролюбия было, возможно, то, что алхимия для средневековых адептов никогда не являлась способом разбогатеть или взойти на верх сословной пирамиды - это было подлинное Великое Делание, успех которого достигается бескорыстным, самоотверженным трудом. Они считали, что каждый из них старается выразить свое собственное постижение природы в целом, и потому ссылались на высказывания других только тогда, когда в них предполагалось нечто аналогичное. Все они соглашались с оценкой своего искусства как священного и божественного, вследствие чего их работа может быть выполнена только с помощью Бога. Их божественное искусство давалось лишь немногим, и никто не понимал его до тех пор, пока Бог или учитель, ниспосланный Божественным провидением, не объяснял его. Обретенное знание не могло перейти к другим, если они не были достойны этого. Тайный язык знаков и символов позволял адептам общаться только с посвященными, исключая профанов из этого узкого круга.